

Глава XV. Арагонская либертарная конфедерация

В предыдущей главе мы привели рассказ Пьера Беснарда о его совместных действиях с Дуррути. В своём отчёте он подводит итог работы:

«Ларго Кабальеро не нравилась наша инициатива. Наверняка он поддался влиянию какого-то деятеля, или же Розенберг смог убедить его в том, что важнее будет ожидать безвозмездной помощи со стороны России (...). Становится очевидным, что если бы Испания, обладая запасом золота, своими силами сумела бы обеспечить себя оружием, совершая закупку за границей, Россия никогда не сыграла бы никакой роли в стране: ни в те дни, ни после (...). Розенбергу удалось убедить упрямого Кабальеро, и с того момента стало ясно, что контракт на закупку оружия и боеприпасов на сумму в один миллиард шестьсот миллионов не введёт в силу. Так и произошло на самом деле: какая-то доля ответственности лежит на продавце, бóльшая — на покупателе, а наибольшая — на русских, которые представили продавцов как агентов Франко (...). Именно таким образом свободная Испания не получила оружие, в котором так нуждалась, и которое Россия могла поставить, получив оплату наличными. Военный товар сомнительного качества поступал весьма скупно, причём было оговорено заранее: оружие не будет вручено колоннам НКТ, и Коммунистическая партия могла расти и действовать в самых наилучших условиях»¹⁷⁵.

Наличие сельскохозяйственных коллективов, которые создавались в ходе военных действий, присутствие на территории Арагона вооружённых революционных подразделений, а также откат революционного процесса в Барселоне — всё это привело к концентрации внимания анархистских активистов на этой области, и у всех на глазах Арагон превратился в маяк испанской революции. Это явление не происходило отдельно от личности и позиции Дуррути. С самого начала он превратился не только в ось сопротивления фашизму, но и в активного пропагандиста коллективистского движения. Однако Дуррути чётко осознавал, что если эта сила не обретёт последовательности благодаря своей собственной организации, то она станет уязвимой перед лицом нападений подразделений «милисьянос» марксистского толка, так как даже ПОУМ выступала против коллективных хозяйств.

Из различных посёлков и деревень свободного Арагона в Военные комитеты либертарных колонн приходили крестьяне, чтобы пожаловаться на произвол со стороны сталинистских или каталонистских¹⁷⁶ милиций. Нападения на сельчан совершались разными способами. В

одних случаях местные советы, избранные на всеобщем сходе, разгонялись *manu militari*; в других — под предлогом военных нужд грабили склады с провизией, угоняли тракторы, поставленные в коллективы подразделениями анархистов. Дуррути без усталости указывал всем крестьянским делегатам, приходившим с жалобами, что они должны были найти силы в самих себе, а не в анархистских колоннах, потому что по мере продвижения линии фронта они были вынуждены оставить позади арагонскую землю. Крестьяне должны были наладить координацию между собой; но их также предупреждали о политическом антифашистском фронте, который вошёл в моду в Испании. Необходимо было воздержаться от уже совершённой ошибки. В Арагоне не было политических партий и не было нужды создавать их, чтобы доставить удовольствие антифашистам. Народное собрание должно быть единственным активным фронтом¹⁷⁷.

Когда 5 октября 1936 года Дуррути вернулся из Мадрида, он радостно отметил для себя тот факт, что на 6 октября НКТ созвала в Бухаралосе Региональную ассамблею. Там будет создан Совет обороны Арагона и Конфедерации либертарных коммун того региона¹⁷⁸.

На следующий день, когда Региональная ассамблея приступила к работе, в ней были представлены 139 делегатами все населённые пункты Арагона. Кроме того, принимали участие такие анархистские колонны как: «Культура и Аксьон» (*Cultura y Acción*), «Рожа и Негра» (*Roja y Negra*), «Куарта агрупасьон де Хельса» (*Cuarta Agrupación de Gelsa*), «Сентурия Малатеста» (группа итальянцев из Уэски), колонна «Сур-Эбро» (Ортис), конфедеральные колонны из Уэски (Альдабальдетреку) и колонна «Дуррути».

Ассамблея началась с устного доклада секретаря Регионального комитета НКТ Арагона, информируя собравшихся о достигнутых соглашениях на Национальном пленуме региональных комитетов, проведённом в Мадриде 15 сентября. На том пленуме было предложено образование Национального совета обороны на основе ВСТ и НКТ, и в пункте 2 говорилось следующее: «Местный федерализм на уровне провинций, регионов и всей национальной территории, действующий в двух сферах — политической и экономической, — организация Советов обороны, а также упразднение Муниципалитетов, Провинциальных советов и Гражданских правительств. Регионы получают полномочия определять пропорции антифашистских организаций в Региональных советах обороны с целью введения изменений на местном уровне, в зависимости от обстоятельств и контекста».

«Это предложение, — сообщил Региональный комитет, — не получило одобрения со стороны ВСТ (...). Ввиду такой реакции Пленум (речь идёт о другом национальном пленуме, проведённом 30 сентября) принял решение “минировать” влияние центральной власти, и для этого наиболее оптимальным представляется организация Регионального совета обороны».

После завершения доклада начались дебаты с делегатами из Барбастро: «...Мы считаем чрезвычайно необходимым образовать вышеназванную структуру, так как такая мера уменьшит влияние определённых военных элементов, которые, пользуясь случаем, пытаются противостоять достижениям народа в социальной сфере. В доказательство приводится статья, которую намечали опубликовать в *Orientación Social*, но её запретила военная цензура, так как в ней упоминалась автономное управление в Арагоне».

Все последующие выступления совпадают в необходимости образования такого организма, но между ними есть некоторые различия: одни считают, что Совет должен заняться экономическими и административными вопросами региона, не вмешиваясь в военные аспекты ввиду того, что колонны зависят от решений, принятых в Каталонии. Другие высказываются за то, что Совет должен принимать участие в военных вопросах, так как колонны действуют на арагонской земле, и что аспект с Каталонией можно разрешить путём делегации в эту организацию представителя Совета обороны Арагона. Нужно отметить, что делегации, выступавшие за участие в принятии военных решений, так или иначе должны были вступить в конфликт со сталинистскими милициями или с Военным комитетом Альто Арагон, образованным Вильяльбой, который существовал в оппозиции Комитету в Сариньене¹⁷⁹.

Во время работы Ассамблеи от имени своей колонны выступил Дуррути:

«Необходимой и также срочной является организация Регионального совета обороны Арагона. Мы сможем при этом объединить наши усилия, решить вопрос о едином командовании и в конце концов выиграть войну (...). Нужно иметь в виду ход событий в стране. Я только приехал из Мадрида, там встретился с министром обороны и без обвиняков изложил ему наше положение. У него не было иного выхода: он принял нашу очевидную реальность как должное, но этого недостаточно, чтобы всё шло своим путём, — нужно исполнять на практике решения Национального пленума НКТ. Если не организуем Национальный совет обороны, мы рискуем потерять всё, что имеем. Поэтому фашизм надо победить, но для этого необходимо оказать давление на центральную власть. И чтобы она приняла наши предложения, мы должны основать в Арагоне Совет, который бы регулировал всю нашу деятельность».

В это выступление Дуррути можно добавить, что он был сторонником участия Совета обороны Арагона в принятии военных решений.

В заключение и для подведения итога всеобщего мнения было сказано следующее:

«Принимая во внимание, что революционные события в стране являются следствием борьбы с фашизмом, и исполняя последние соглашения, принятые на Пленуме региональных комитетов НКТ, мы одобряем образование Регионального совета обороны, который возьмёт на себя задачу политического, экономического и социального развития Арагона.

Совет состоит из следующих отделов: Правового, Строительного, Промышленности и торговли, Сельского хозяйства, Информации и пропаганды, Транспорта и коммуникаций, Охраны общественного порядка, Здравоохранения, Образования и Экономики и снабжения. Все отделы разработают план, который будет рассмотрен для его дальнейшего принятия представителями. После одобрения плана его исполнение будет обязательным во всех аспектах.

Действие различных населённых пунктов будет заключаться в исполнении экономического и социального плана, так как в нём в целях построения новой общественной структуры будут представлены временные или постоянные меры; в отличие от настоящего момента,

когда существуют проекты и действия, во многих случаях противоречивые.

Что касается военного аспекта, то мы сочли нужным не образовывать особый отдел с целью создания ещё одного органа, который мог бы привести к путанице вместе с уже существующими структурами. Однако с целью осуществления более эффективной работы мы постановляем:

1. Назначить делегатов, которые будут представлять Региональную организацию Арагона в Военном отделе Барселоны.
2. Создать Военный комитет на основе сил, действующих в Арагоне, который будет нести ответственность за единое управление всей деятельностью колонн.
3. Данный Комитет будет иметь такой состав: один представитель от колонны “Дуррути”, один — от колонны “Ортис”, три — от сектора Уэски и два — от Совета обороны Арагона.

Этот состав будет временным до тех пор, пока колонны, действующие в Теруэле, не назначат другого делегата для его вхождения в Военный комитет.

Этот доклад после его одобрения делегациями будет представлен на рассмотрение Региональных организаций Каталонии и Валенсии».

Указанное выступление было предложено и подписано следующими деятелями: Областной комитет Ангуеса — Франсиско Понсán; профсоюз в Утрильяс — Хиль Гаргальо; Мас-де-лас-Матас — Макарио Ройо; Провинциальный комитет Уэски — Грегорио Вильякампа; Региональный комитет — Франсиско Муньос; Комитет оккупированной зоны Теруэля — П. Абриль-Онорато Вильянуэва; колонны Арагонской линии фронта — Франсиско Кареньо и Хоакин Аскасо.

Выступление единодушно одобрено, и местом нахождения Комитета обороны Арагона был назначен Альканьис¹⁸⁰.

В продолжение дебатов на этой Ассамблее в Бухаралосе высветились проблемы Арагона на линии фронта и в тылу. Они были настолько взаимосвязаны, что было трудно различить, где начинались одни и заканчивались другие. Эти проблемы обострялись ещё больше в силу различных политических сил, стоявших за каждой из колонн: они хотели организовать экономическую деятельность крестьян на свой манер. Неясность ситуации в Арагоне не имела иной причины. Образование Комитета обороны явилось важным шагом, но с тем условием, что функции каждой Колонны и полномочия самого Совета должны были чётко определиться, как и роль правительства Женералитат в Арагоне. Но всё это представляло столкновение огромного количества интересов; ни в каком другом месте борьба революции с контрреволюцией не представлялась такой ясной.

Преобладающей силой в Арагоне была НКТ. ВСТ в местах, где он был представлен, являлся настолько мизерным, что не мог выступать как определяющая сила. Анархисты Арагона не захотели совершить ту же ошибку, что и НКТ Каталонии, и по этой причине не отвели ВСТ той же роли, что и НКТ. Народное собрание являлось верховной властью и выбирало членов

местных комитетов. Избранные активисты из ряда наиболее опытных революционеров со стажем борьбы хорошо знали друг друга. После проведения таких собраний определилась анархистская конфигурация Арагона.

В местностях, где действовали колонны НКТ, практически не существовало проблем: «милисьянос» хорошо понимали крестьян, и те, в свою очередь, отвечали тем же. Однако всё менялось, когда либертарные коллективные хозяйства должны были действовать в зонах, где на линии фронта присутствовали колонны ОСПК или ПОУМ. Они соперничали между собой, но в силу своих антианархистских настроений объединились, чтобы противостоять НКТ. Такое противостояние имело наиболее сильное влияние в областях Уэска и Барбастро. Полковник Вильяльба вёл себя как военный. Между тем колонна ОСПК под началом Дель Баррио, выставляя себя поборницей политического реализма, провозглашала, что «теперь время не для революции, а для войны», превращая себя в защитницу тех, кто в одночасье входил в ряды ВСТ. Благодаря такому спонтанному существованию ВСТ Дель Баррио чувствовал себя вправе распускать либертарные коллективные хозяйства. Но крестьяне — сторонники НКТ не поддавались. Вся эта ситуация приводила к вооружённым столкновениям. Подобная борьба в тылу препятствовала подразделениям в области Уэски овладеть столицей этого региона в результате решительного натиска. Такое состояние дел представлялось нестерпимым, и когда на Ассамблее в Бухаралосе разговор шёл о «едином командовании», то имелись в виду описанная ситуация и, кроме того, существование двух Военных комитетов, которые работали в автономном режиме.

Поначалу был организован Военный комитет в Сариньене, в котором были представлены все колонны при содействии военно-технического совета. Но теперь, в силу преобладания и влияния НКТ, упомянутый Военный комитет представлял для сталинистов проблему. Такая реакция становится понятной, принимая во внимание тот факт, что бойцы — члены НКТ — насчитывали приблизительно 15 тыс. человек, а ОСПК едва располагала 2 тыс. Такое же количество бойцов были членами ПОУМ. Полковник Вильяльба аргументировал свою позицию стратегическими соображениями; ему удалось разделить Военный комитет и организовать другой — в области Северного Арагона. К нему присоединился Дель Баррио. Оба нашли общий язык настолько успешно, что даже при меньшем составе бойцов ОСПК, когда Вильяльба намеренно покидал командный пункт, именно Дель Баррио возглавлял этот Комитет. Во время таких отлучек Дель Баррио пользовался положением, чтобы, применяя *manu militari*, атаковать некоторые населённые пункты и разгонять коллективные хозяйства. При таком положении вещей состоялась Ассамблея в Бухаралосе. Информация об организации Совета обороны в Арагоне раздалась в Барбастро, как пушечный выстрел, причём его эхо дошло и до Барселоны. Газеты ОСПК называли этот акт «местническим и фашистского толка». Правительство Женералитат также не совсем было согласно с ним, так как считало Арагон своей колонией¹⁸¹. К этим противникам добавился сам Национальный комитет НКТ, который после отказа Ларго Кабальеро образовать Национальный совет обороны направил свою политику на переговоры о вхождении НКТ в правительство Мадрида. Из всех этих вместе взятых факторов выделялось революционное бесстрашие Совета обороны Арагона. Когда была получена информация о его составе, все участники являлись членами НКТ. Впервые в истории один регион брал на себя груз революционной деятельности за рамками политических партий, причём её основой являлось

народное собрание, как высший орган власти. Таким образом, структура, зарождающаяся в Арагоне, более всего походила на либертарный коммунизм. Степень проявленной храбрости была велика: в то время как революция отбивалась, отступая по всей Испании, Арагон проявлялся как её наиболее продвинутый полюс. Повторится ли в Арагоне то же самое явление, что и в России в отношении Украины? Образ Дуррути неизбежно вызывал в памяти личность Нестора Махно.

Одновременно с проведением Ассамблеи в Бухаралосе — 4 октября — фашисты начали атаку на всей линии фронта ПердигераЛесиньена, наступая в этой точке на авангард колонны «Дуррути», рядом с подразделениями ПОУМ. Это наступление и действия колонны для его отражения мы осветим в последующей главе. Теперь же мы продолжим описание реакции в Барселоне в отношении Совета обороны Арагона. Мы уже писали, что в правительстве Женералитат, образованного 26 сентября, полковник Фелипе Диас Сандино возглавлял Департамент обороны, и Гарсия Оливер занимал пост секретаря.

Когда Диас Сандино приступил к своим обязанностям, его наибольшей заботой стало воплощение в жизнь декретов относительно милитаризации милиций, которые диктовались из Мадрида. Но он знал: такой шаг не мог быть сделан на линии фронта в Арагоне вдруг, внезапно, а необходимо было действовать с большой осторожностью во избежание жесткой реакции со стороны анархистских колонн. Натянутые отношения между анархистами и Вильяльбой предоставили ему такую возможность. Прикрываясь тенью Вильяльбы, действовал Дель Баррио, максимально бойкотируя крестьянские кооперативы в секторе Тардиенты и Барбастро. Проблема в Арагоне была не военной, а политической. НКТ была готова продвигать в Арагоне дело революции, однако ОСПК, используя свои милиции, также выражала готовность воспрепятствовать этому процессу. Контрреволюция в Арагоне была налицо, она маскировалась в одежды военных операций, и её можно было чётко осознать. Полковник Вильяльба представлялся как республиканский военный, «не вмешивавшийся в политику»; на деле же он содействовал миссии ОСПК, создавая натянутые ситуации на линии фронта и доходя до крайности создания на севере Арагона автономного Военного комитета в Сариньене. Таким образом, взятие Уэски откладывалось, а на первый план выходил бойкот коллективных хозяйств. Центральный комитет антифашистских милиций направил в этот сектор миллион патронов, с тем чтобы мобилизовать все подразделения и закончить успешно атаку на Уэску. Но Уэску не взяли, а миллион патронов был использован для операций в тылу или послан в Барселону. Ввиду создавшегося положения, Диас Сандино и Гарсия Оливер решили созвать делегатов колонны на собрание в Сариньене с целью совместного анализа начала работ Главного штаба в Арагоне. Это собрание состоялось 8 октября, во время разгара наступления мобильного подразделения Арагона под командованием полковника Густаво Уррутии, который бросил на колонну «Дуррути» 4500 солдат при поддержке авиации и артиллерии.

В этом собрании участвовали: от Департамента обороны — Диас Сандино, Хоан Молес и Гарсия Оливер, а от колонны Арагона — полковник Вильяльба, Дель Баррио, Антонио Ортис, Хосе Ровира, Дуррути и Перес Салас. Эти имена указывают, что на данном собрании должен был разрешиться спор: Вильяльба — Дуррути versus Дуррути — Ортис.

Полковник Диас Сандино начал выступление с описания трагичной ситуации, сложившейся в Мадриде после сдачи Сан-Мартин-деВальдеиглесиас, Сигуэнсы и Навас-дель-Маркес. Продвижение фашистов на столицу Испании вынудило правительство мобилизовать армейские призывы 1932 и 1933 годов и перейти к милитаризации милиций. По мнению Сандино, становилось необходимым укрепить дисциплину на фронте и объединить командные посты, нужно было организовать Главный штаб, который будет возглавлять команданте авиации Рейес при поддержке капитанов Гуарнера и Батета. К этому штабу также присоединялись командиры колонны. Дель Баррио сразу высказался против такого плана, аргументируя, что «определённая группа милиций объявила войну полковнику Вильяльбе». Его интересовало не образование Штаба, а выяснение: по какой причине велась война против Вильяльбы. Полковник Диас Сандино сказал, что в этот момент приходится не ворошить прошлое, а взяться за серьёзную организацию, которая могла бы привести к тому, что милиции вновь заняли бы прежние позиции. Дель Баррио настаивал на том, что «он не может забыть прошлое».

«Политические разногласия между вами, — указал Диас Сандино, — могут быть разрешены после победы на войне. Теперь главное — прийти к единому командованию».

Ровира от имени ПОУМ заявил, что «можно по-разному понимать принцип единого командования» и что поэтому он оставляет за собой право иметь особое мнение об этом аспекте.

Дель Баррио настаивает на том, что «необходимо разрешить вопрос не о едином командовании, а о других вещах». Ввиду таких настроений и противоречий, возникших вместо того, чтобы объединить усилия, Диас Сандино говорит:

— Если мы не будем действовать сообща в этом деле, то ничего не добьёмся — и тогда, конечно, нас победят. У нас нет оружия, нет ничего; мы сражаемся с большими сложностями. Они же хорошо организованы, и у них есть оружие и боеприпасы. Если мы не желаем объединить наши усилия, тогда лучше разойтись по домам, и пусть фашисты займут Барселону.

Дель Баррио воскликнул:

— Оставим споры. Приступим к делу, но давайте выскажемся, потому что всё это приведёт к последствиям. Всегда существовали различия между линией фронта и Барселоной.

Гарсия Оливер ответил:

— Мы постарались наиболее объективно действовать в выборе командира. Если бы мы назначили Дуррути, вы бы сказали, что мы проводим свою партийную политику, а если бы мы предложили Ортиса, то вы сказали бы то же самое. Нужно было остановиться на военном, из ряда отличившихся на фронте, и этим человеком мог бы быть Вильяльба, но его кандидатура отпадает ввиду споров между вами. По этой причине мы подыскали человека, который отвечает всем требованиям: с моральной и технической точки зрения (...). Но если вы одобрите кандидатуру с оговорками, я не беру на себя такую ответственность и ухожу с поста.

Дель Баррио ответил:

— Создалась напряжённая ситуация... На фронте имеется группа, которая противостоит полковнику Вильяльбе.

Ортис:

— Я говорю открыто и прямо о себе. Я — анархист и думаю, что мы будем сражаться, пока возможно. Но теперь оставим споры, будем действовать честно, и я исполню всё, что мне будет приказано. Я так поступаю и ранее поступал так же.

Что касается Дуррути, то он сказал следующее:

— Я пришёл к выводу. Самое трудное положение на линии фронта Арагона, что касается разногласий и споров — Барбастро. Барбастро — гнездо сбоев (...) Нужно иметь в виду создавшееся положение. Силы с севера потеснили нас; так происходит и на других участках линии фронта Арагона. Я их вижу впереди нас с расстояния ста метров. Мы видим огромное число солдат и ждём их крепкого объятия. Если бы вы спросили у меня, каким образом мы провели оборону Фарлете и Монегрильо, я ответил бы вам: мы защищались как могли. Я уже представлял, как мы бежали по направлению к Фраге и теряли эти две позиции. С этим надо покончить. Надо покончить с проблемами в Барбастро, чтобы восстановить доверие на линии фронта.

Затем Дель Баррио сказал:

— Я недавно, в отсутствие полковника, взял на себя полномочия, которые, как казалось, принадлежали мне по праву, как члену Военного комитета: я послал двадцать пять карабинеров в Граус, чтобы арестовать весь комитет этого посёлка. И если бы мы не послали двадцать пять карабинеров в Граус, товарищи из НКТ расстреляли бы семнадцать человек. Они не все были социалистами, некоторые — республиканцами. К несчастью, карабинеры не выполнили приказа, но я отдал его, на нём стоит моя подпись. Я не послал Гражданскую гвардию, чтобы потом опять не говорили о репрессиях со стороны Гражданской гвардии против народа (...).

Вступил в разговор полковник Вильяльба:

— Есть один неразрешённый вопрос, одно обвинение.

Дуррути отвечает:

— Военные должны быть советниками, настоящими советниками и не вмешиваться в разногласия сторон и ни во что другое. Пусть эту ответственность несут политические представители колонн (...).

Дель Баррио:

— Народ уважает военных, которые встали на его сторону и поддерживают нас. Это было видно, когда я говорил о полковнике Вильяльбе на митинге, — народ энергично приветствовал полковника.

Дуррути:

— Что касается декретов и приказов, то народ не переваривает военных. Когда какой-либо военный подписывает декрет или приказ, он будет действовать, но тотчас же вызовет подозрения. Их принимают, потому что они сражаются, и не более того.

Дель Баррио:

— Я уже изложил мои сомнения в отношении единого командования, представлю их перед моей партией, и поступлю так, как она прикажет (...).

Ортис:

— С моей стороны оговорки всегда являются недостатком честности.

Дуррути:

— Теперь мы не можем принять ваши оговорки. С нашей стороны не было никаких. В Мадриде сформировали правительство, но нас не волновало, социалистическое оно или нет, — мы пошли сражаться. Если вы сейчас говорите, что сохраняете за собой право на другое мнение, то вы не правы. В настоящие моменты мы считаем, что такая позиция — фальшивая. Я, со своей стороны, никогда ничего не просил у моей организации.

Гарсия Оливер спрашивает у Дель Баррио:

— Как ты понимаешь единое командование?

Дель Баррио:

— Я всегда был сторонником единого командования, но, как следствие ситуации, создавшейся ранее, и естественно, единое командование, которое сейчас устанавливается, — ненормально.

Гарсия Оливер:

— Я более всех противился единому командованию на линии фронта, и Сандино знает причину такого сопротивления. У проблемы единого командования — одна сложность: командовать. На этой войне имеет место феномен: когда фашисты атакуют в городах, они держатся долго, а наши совсем не держатся; повстанцы окружают какой-либо город и через два дня занимают его. Когда мы окружаем его, то осада длится целую вечность. Сейчас мы потеряли Лесиньену, но это не должно повториться. Никто не может так просто оставить ранее занятую позицию. Можно понять, когда во время атаки бойцы оставляют траншею...

Ровира:

— Оставили населённый пункт из-за нехватки боеприпасов. У нас не было связи.

Гарсия Оливер:

— Речь не идёт о Лесиньене, это просто пример. Любой город и любое село защищают, потому что в противном случае так дойдёт и до Мадрида, и после серии натисков мы окажемся дома. Теперь, если примут единое командование, если город занят, его не оставят и подошлют подкрепления откуда бы ни было. Задача командования — привлечь другие силы».182

Из приведённого здесь краткого содержания разговора видны разногласия ОСПК и НКТ. Такое соперничество убавляло сил для ведения войны и объясняет в большей степени парализованное состояние на фронте Арагона. Альянс Вильяльбы и ОСПК не только бойкотировал действия вокруг Уэски, но и представлялось непонятным, как подразделения Дель Баррио на расстоянии нескольких километров от Лесиньены допустили потерю этого населённого пункта, потому что эту позицию защищала ПОУМ. Позиция Дель Баррио, стоявшего против образования единого Военного комитета, несущего ответственность за весь Арагонский фронт, контрастировала с демагогической позицией ОСПК, которую она защищала в своих газетах, высказываясь за армию и единое командование.

Перед лицом всех этих фактов становится более ясным правильно принятое решение Ассамблеи в Бухаралосе, когда была принята резолюция об образовании Совета Оборона Арагона, который должен был покончить с «мексиканизацией» войны на участке Арагона.

Версия #1

Зверобой создал 23 июля 2025 20:59:27

Зверобой обновил 23 июля 2025 21:20:55